ИНТЕРВЬЮ С О. АНРИ КАФФАРЕЛЕМ

— Итак, Вы профессионал?

— Я ремесленник, практик. Мне нравятся эти слова, поскольку они говорят о поиске компетенции, не до конца приобретённой, но искомой, в которой человек хочет развиваться.

— С этой точки зрения выходит, что Вы обычно говорите только о том, что знаете?

— Скорее о том, что мне интересно.

— Часто ли людям, не задумываясь, задают вопросы о вещах, в которых они не разбираются?

— Да, это так, и стоит признать, что иногда мы испытываем неловкость, когда по радио или телевидению идёт беседа со знаменитыми людьми в области литературы, искусства и, возможно, Костёла, и их просят за несколько минут высказаться на важные темы нашего времени. Я – специалист, я знаю, что такое профессия и не позволяю себе осуждать других. У меня есть своя, поэтому я люблю говорить о своей работе, но я не закрыт на то, что интересует современных людей. Я бы даже сказал, что мне это интересно. Но я говорю только о том, в чём практикуюсь, чем живу. Я говорю о Боге, потому что Бог заполучил меня пятьдесят лет тому назад, одним мартовским днём 1923 года. Это был переломный момент моей жизни, разделивший её на «до» и «после». Бог вошёл в мою жизнь, и с той самой минуты я – Его слуга. (...)

Я человек молитвы. И являюсь таковым, потому что я несостоявшийся монах. Когда мне было 20 лет, на следующий день после «моего обращения», которое я только что упоминал, у меня уже было забронировано место в законе Траппистов. Я хотел провести мою жизнь в молитве, т.к. считал, что молитва из всех видов деятельности – самая глубокая, самая эффективная, самая решающая, самая универсальная.

— Для всех или только для Вас?

— Для всех! Я считаю, что люди, которые молятся – это лёгкие человечества. Не уверен, знаете ли вы историю из Библии, когда Бог хотел уничтожить Содом и Гоморру, а Авраам молился за эти города. Сколько же раз в моей жизни у меня было такое впечатление, что люди, которые молятся, поддерживают отношения между человечеством и Богом, не позволяя, чтобы с человечеством произошла катастрофа.

— Вы любите монашество?

— Я тоскую по монастырю. Из-за моего неосуществившегося призвания я не могу листать альбомы о средневековых монастырях или услышать слово «монастырь»,

чтобы при этом не испытать глубокого волнения внутри себя. Возможно, если бы я не пережил этого своего «призвания», я не был бы священником, который молится ежедневно. И, возможно, моя жизнь как священника не принесла бы так много плодов, и я уверен, что не был бы способен к верности, о которой упоминал. На самом деле, всем в моей жизни я обязан молитве!

— А почему Вы не пошли за голосом своего призвания? Иногда говорят, что монахи, клариски, трапписты погружаются в свой мир с определенной долей эгоизма?

— Что ж, я не послушал этот голос, потому что у меня был духовный наставник. За несколько дней до того, как я должен был вступить в монастырь, он передумал и сказал мне: «Так или этак, я бы хотел, чтобы ты закончил семинарию, а если твоё желание через 2 – 3 года всё еще будет актуально, дашь мне знать, и я дам своё согласие». А потом он попросил меня еще 2 – 3 года послужить священником. Ну, и он был немного впечатлен, когда в период моего служения я добился некоторого успеха – если тут можно говорить об успехе. Это не то слово, но я не нахожу более подходящего. И в конце концов он попросил меня продолжать делать то, что делаю. Думаю, что я, в общем-то, и должен был делать то, что делаю, но храня в глубине души ту ностальгию. Таким образом, монастырь – внутри меня. (…)

Вот почему я так активно помогаю молодым людям (и взрослым тоже) – чтобы «открыть молитву». Вы видите, как я колеблюсь, употребляя это слово. Я стараюсь помочь им пережить встречу с Богом. В самом начале моей карьеры священника я говорил себе: «Я буду говорить о Боге. О Боге, у которого есть лицо, о Боге, который принял тело, о Боге, который есть Иисус Христос, о том Боге, который всё отдал за человека». Позже я убедился, что говорить о Боге так трудно! Нужно делать больше, лучше: надо пригласить людей, чтобы они пережили встречу с Богом. Без этого мы всего лишь играем словами. И здесь появляется проблема: как помочь людям пережить встречу с Богом?

— Как помочь пережить встречу с Богом? Возможно, некоторые хотят быть вдали от Бога?

— Поможем вначале тем, кто хочет этой помощи. А после, может быть, мы сможем показать Его тем, кто даже не подозревает, что ищет чего-то, что в их сердце вообще есть какой-то голод. Я думаю, что один из весомых аспектов быть

священником – это показать людям, что они чего-то ищут, и показать им, чего они ищут. Чтобы вытянуть их из тревоги и страха, в котором живут 9 из 10 современных людей. Почему большинство из них испытывает страх? Потому что внутри у них запрятан какой-то голод, какое-то желание, какой-то поиск, стремление к идеалу.

— Отец, Вы приняли священническое рукоположение в 1930 году. У вас есть опыт работы с супружествами, с семьями, Вы занимались супругами. Откуда эта заинтересованность супружеством? Вы были женаты?

— Никогда! Но христианская духовность все время шла по такому пути, что можно было подумать, что поиск Бога, встреча с Ним, проникновение в тайны Божьи – всё это зарезервировано для законников, священников, монахов. А бедные люди, состоящие в браке, могут рассчитывать максимум, может быть, на спасение. И все мои мысли, все мои усилия направлены на то, чтобы научить – научить это не то слово – «помочь открыть» замужним и женатым, что человеческая любовь – это путь к Богу. Но нужно точно знать, о какой любви идёт речь, нужно обозначить путь, нужно научить их идти по этому пути! Я глубоко верю, что человеческая любовь говорит о любви Бога, как если бы это была притча.

— Хорошо, но как может человек, который никогда не был женат, по-настоящему понять жизнь и проблемы супружества? Как бы ни было, это взгляд извне!

— Вы считаете, что фтизиатр должен переболеть туберкулёзом лёгких, чтобы что-то сказать об этой болезни? Я считаю, что я понимаю супругов, где-то даже лучше, чем они сами себя. Выслушав признания сотен пар, я знаю о них много. А одна пара имеет только свой собственный опыт и не подозревает, что жизнь других супружеств очень разная.

— А вы сами никогда не хотели рискнуть жениться? До того, как решили посвятить себя Богу.

— Безусловно, я думал об этом. Я размышлял о супружестве.

— Вы жалеете, что не вступили в монастырь. А Вы никогда не пожалели о том, что не свободны?

— Конечно же, нет. Я не жалею о том, что не женат. Сейчас, в марте, исполняется уже 50 лет с тех пор, как Кто-то стал на моём пути, до самой смерти. С той самой минуты я больше не думал о супружестве. Это была любовь, любовь абсолютная, которой подчинено всё. (...)